

Д.Г. Целорунго (п. Бородинское поле, Московская обл.)

СУДЬБА ОТСТАВНЫХ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ И СОЛДАТ – УЧАСТНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

ВОПРОС О ТОМ, как складывалась жизнь офицеров и солдат, участников Отечественной войны 1812 г. после их выхода в отставку, остается до сих пор вне поля зрения исследователей этой эпохи, включая и занимающихся военно-исторической антропологией.

По состоянию на конец 1812 г. средняя продолжительность службы в войсках у офицеров составляла 7–12 лет¹. За это время офицер мог дослужиться до чина поручика или капитана. Чины младших офицеров до поручика в пехоте и кавалерии не соответствовали какой-либо определенной должности, разве что офицер в чине поручика временно мог исполнять должность командира роты в пехоте или командира эскадрона в кавалерии. Только штабс-капитанский чин давал возможность в пехоте, артиллерии и драгунских полках занять должность командира роты или эскадрона, а чин штабс-ротмистра позволял занять должность командира эскадрона в легкой и тяжелой кавалерии.

Отсюда следует, что офицеры в чинах капитанов и им соответствующих оказывались перед выбором: продолжать службу, дожидаясь, когда откроется в полку вакансия командира эскадрона, батальона, артиллерийской бригады, или подавать в отставку. Причем в пехоте только должность командира батальона, в кавалерии – командира эскадрона, в артиллерии – командира бригады давала возможность получить первый штаб-офицерский чин (майора, подполковника). Вакансии в мирное время на должности командиров эскадронов и особенно командиров батальонов и артиллерийских бригад открывались нечасто, в пехотном полку было три батальона, в каждом по четыре роты,

следовательно, в среднем три (не считая штабс-капитанов) претендента на один штаб-офицерский чин. В артиллерии три роты составляли бригаду, причем командир бригады совмещал должность командира одной из рот бригады, как правило, батареей роты. На одну должность командира артиллерийской бригады, предполагавшую штаб-офицерский чин, дожидались своей очереди два капитана данной бригады. В кавалерии продвижение по службе шло еще медленнее, чем в пехоте и артиллерии². Кроме того, нередко вне полкового списка по старшинству, на открывшиеся вакансии назначались гвардейские и армейские офицеры из других полков, получившие повышение в чине «за отличие», что, в свою очередь, задерживало продвижение офицеров данного полка по службе. По указанным причинам больше половины обер-офицеров дворянского происхождения, выслужив чин поручика или капитана, после 7–12 лет выслуги в войсках подавали в отставку. Разумеется, испрашивали дозволения уйти в отставку только в мирное время, как правило, ссылаясь на проблемы со здоровьем, так как неустроенная кочевая жизнь, раны и болезни, сопутствующие войнам, отрицательно сказывались на здоровье многих офицеров. С другой стороны, после отставки с военной службы офицеру присваивался очередной классный чин, который учитывался только на статской службе. А статская служба в каком-либо уездном или губернском городе хоть и сулила поначалу скромный доход, ниже, чем на военной службе, но зачастую гарантировала размеренную жизнь и возможность обзавестись семьей, ведь 91 % офицеров – участников Отечественной войны 1812 г. – были холосты³. Рассчитывать же на богатое наследство или безбедное проживание в своем или родительском имении после отставки подавляющей массе русских офицеров (90 %) не приходилось⁴.

Для многих дворян в начале XIX в. карьера чиновника началась после выхода в отставку с военной службы. В то время считалось, что военный человек был на все способным, фронтальная служба была школой для администраторов, и административные должности стали средством вознаграждения за военные доблести. В губернских городах отставные военные чаще всего служили советниками, ассессорами и дворянскими заседателями (чины 6-го – 10-го класса). В уездных городах они занимали должности городничего, уездного судьи, земского исправни-

ка, казначея, заседателей, получая чины с 8-го по 11-й класс «за уряд» (на время пребывания в должности). Верхней ступенью уездной чиновной лестницы считались должности городничего и судьи с жалованьем 300 р. в год⁵. Это примерно соответствовало годовому жалованию армейского подполковника – 250–334 р.⁶

Как известно, с 1793 г. бессрочный срок службы для солдат, служивших в войсках на правах рекрутов, был ограничен до 25 лет. По нашим данным, в регулярных воинских частях полевой армии 6,6 % рядовых солдат и 11,7 % унтер-офицеров выслуживали 21–25 лет и только 0,8 % рядовых солдат выслуживали 25 лет. Кроме этого 0,4 % рядовых и 1,3 % унтер-офицеров имели сверхсрочную выслугу в войсках (см. табл. 1).

Табл. 1

**Выслуга нижних чинов в войсках,
по состоянию на 1 июля 1812 г.**

Количество лет	Рядовые солдаты		Унтер-офицеры	
	Человек	Доля, %	Человек	Доля, %
Менее года	233	22,2	–	–
1	99	9,4	–	–
2–3	163	15,6	39	2,6
4–7	264	25,2	273	18,0
8–11	79	7,5	283	18,6
12–15	56	5,3	382	25,2
16–20	44	4,2	321	21,1
21–25	69	6,6	177	11,7
26–30	3	0,3	17	1,1
31–40	1	0,1	2	0,1
41–45			1	0,1
Нет данных	37	3,5	23	1,5
Всего	1048	100,0	1518	100,0

В военное время эти показатели из-за больших потерь убитыми, ранеными и особенно больными изменялись в сторону значительного преобладания среди рядовых солдат, особенно в пехотных полках, доли новобранцев. Так, за полгода боевых действий 1812 г. из-за боевых и небоевых потерь пехотные части в

чисто количественном отношении приблизительно один раз полностью сменяли свой наличный рядовой состав. Анализируя качественный состав русской пехоты, мы выявили, что в армейских пехотных и егерских полках действующей армии к концу кампании 1812 г. и в кампаниях 1813–1814 гг. доля новобранцев различных категорий среди рядового состава, без учета нестроевых солдат, приближалась к 90 % и выше⁷.

В 1813–1814 гг. бóльшая часть выздоровевших солдат задерживалась в пути из госпиталей к театру военных действий и в запасных батальонах, поэтому после выписки из госпиталей многие выздоровевшие солдаты так и не успевали принять участие в боевых действиях. Значительная часть солдат, по нашим подсчетам, около четверти из госпиталей, по освидетельству специальных врачебных комиссий попадала в гарнизонные части, где продолжала службу в зависимости от состояния здоровья. Часть солдат «за неспособностью к полевой службе» направлялась в гарнизонные части, другая часть «за неспособностью к полевой и гарнизонной службе» – в служащие инвалидные команды, а третья часть «за неспособностью к никакой службе» направлялась в инвалидные команды на положение неслужащих инвалидов. Причем, при направлении в гарнизонную часть, учитывалось желание солдата продолжать службу в родных краях. Это было, например, в случае с рядовым Василием Лисовичем, происходившим из мещан Волынской губернии, Житомирского уезда: он находился на службе с 10 ноября 1812 г., а 6 августа 1813 г. по неспособности к полевой службе был переведен из полевой части, находившейся в Герцогстве Варшавском, в Витебский гарнизонный батальон. Тем временем В. Лисович письменно обратился к начальству с просьбой о переводе его в Житомирский внутренний гарнизонный батальон. На основании именно Высочайшего указа его просьба была удовлетворена, а 22 августа 1815 г., пройдя в Волынской врачебной управе переосвидетельствование, он в возрасте 45 лет, прослужив в строю менее трех лет, был зачислен в неслужащие инвалиды⁸. Подобная история случилась и с Федором Николайчуком родом из крестьян Волынской губернии, который в 1806 г. вступил в службу рядовым в Гродненский гусарский полк⁹.

Из 775 рядовых солдат, поступивших в Житомирский, Петрозаводский и Воронежский внутренние гарнизонные батальоны в

1815 г., одна треть были уроженцами мест, где дислоцировались эти воинские части¹⁰. Но это усредненный показатель, в некоторых гарнизонных частях он был гораздо выше. Так, в 1815 г. среди 29 неслужащих инвалидов, переведенных на службу в инвалидные команды при Житомирском внутреннем гарнизонном батальоне, уроженцев Волынской губернии было 28 человек¹¹.

Выслужив положенные 25 лет, солдат, вступивший в воинскую службу на правах рекрутов, мог выбирать, остаться ли ему на сверхсрочную службу или выйти в отставку на собственное пропитание. Солдату по выходу в отставку не было положено пенсионное содержание. Вольным отставной солдат был лишь в праве выбора, в какое податное сословие ему перейти, чаще всего солдатский выбор останавливался на мещанском сословии. В редких случаях солдаты, преимущественно в унтер-офицерских чинах, оставались в воинской части полевой армии (см. табл. 1). Причем у солдата, вышедшего в отставку, оставалась возможность возвратиться на службу. Этим правом он мог воспользоваться в случае, если у него не сложилась жизнь вне армии или в случае потери здоровья «на вольных хлебах».

Вот несколько примеров. Матрос Никита Естафьев из крестьян Архангельской губернии в 1801 г. был отставлен от службы на собственное пропитание. В 1806 г. он добровольно поступил на службу в инвалидную команду Архангельского гарнизонного полка. В 1814 г. Н. Естафьева в возрасте 61 года перевели в неслужащую инвалидную команду этого же полка¹². Унтер-офицер Архангельского гарнизонного полка Прокопий Rogozin был уволен от службы на собственное пропитание в 1804 г., через два года принят обратно на службу в Архангельскую губернскую роту, переименованную через год в инвалидную команду. Впоследствии он был разжалован в рядовые за свое упущение в караульной службе, в результате которого из тюрьмы удалось бежать заключенным преступникам. В 1814 г. П. Rogozin в возрасте 54 лет был определен в неслужащую инвалидную команду¹³.

Таким образом, вступив в сверхсрочную службу, солдат мог рассчитывать на пожизненное признание в одной из инвалидных команд, находящейся недалеко от родных мест. Кроме того, вне зависимости от выслуги, значительная часть солдат из-за потери здоровья признавались негодными к полевой службе, их переводили в гарнизонные воинские части, если у солдата были

серьезные проблемы со здоровьем, его могли перевести в служащую инвалидную команду. В случае если солдат не мог служить по состоянию здоровья или по возрасту и в инвалидной команде, он получал статус неслужащего инвалида, то есть он мог доживать свой век, находясь на государственном попечении. Правда, в последнем случае был еще один вариант, солдата могли комиссовать с воинской службы, но только по взаимному согласию с родственниками, которые обязывались взять служивого на свое полное содержание. К слову сказать, инвалидные команды располагались в большинстве уездов центральной России, в небольшом количестве они располагались также и на окраинах империи, например в Сибири. Следовательно, солдат мог рассчитывать на гарантированную помощь от государства при потере им здоровья и по старости, представители других податных сословий Российской империи подобных государственных услуг тогда были лишены.

¹ Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения. М., 2002. С. 154.

² Там же. С. 154–155.

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же. С. 102–104.

⁵ Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3; Фаизова И.В. Материалы герольдмейстерской конторы о реализации Манифеста о вольности дворянства в практике дворянской службы // Чтения памяти В.Б. Кобрин: Тез. докл. и сообщ. М., 1992. С. 182; Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, состав. в дек. 1903 г.). СПб., 1913. С. 112; РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 305. Л. 30–76 об.

⁶ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 386.

⁷ Формулярные списки солдат, поступивших в качестве пополнения за 1814 г. в Рязанский пехотный полк и 50-й егерский полк. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 786, 1879.

⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5386. Л. 178 об.–179.

⁹ Там же. Л. 70.

¹⁰ Там же. Д. 5386. Д. 5801. Д. 5268.

¹¹ Там же. Д. 5386.

¹² Там же. Д. 6390. Л. 167 об.

¹³ Там же. Л. 170.